

ПАДЕНИЕ РАНГУНА*

После [катастрофы на реке Ситтанга](#), где 17-я Индийская Дивизия потеряла свою значимость как боевая единица, судьба Рангуна была решена. Данная статья является переводом фрагмента книги историка Луи Эллена (Louis Allen, 1922-1991) *Бирма. Самая Долгая Война/Burma. The Longest War (1984)* и посвящена последним дням этого города перед вступлением в него японцев 8 марта 1942 года...

Прелюдия

Несмотря на очевидные успехи после марша к Ситтангу японские силы вторжения испытывали серьезные проблемы. Им приходилось вести бои за тысячи километров от баз в тяжелых природных условиях: на их пути были горы и джунгли, тропический климат Бирмы был им так же непривычен, как и европейцам. Вот что писал об этом впоследствии генерал-лейтенант [Сёдзиро Иида](#) (Shōjirō Iida), командующий японской 15-й Армией:

Было естественным считать, что командование 15-й Армии действовало наилучшим образом, так как ей удалось захватить большое количество трофеев и противнику были нанесены тяжелые потери, особенно на берегах Ситтанга, где он терпел поражения везде, где вступал в бой против двух японских дивизий. Но на самом деле все было совсем не так. 15-я Армия пыталась поддерживать контроль за продвижением своих двух передовых формирований на самом высоком уровне, но не было в состоянии делать это должным образом вплоть до Ситтанга.

В тот момент я был сильно озабочен уровнем боевой эффективности обеих дивизий. Им пришлось пересечь горы на границе Таиланда и Бирмы, где было трудно продвигаться даже при использовании выночных животных, в результате чего обоим стали испытывать нехватку снаряжения. Они назывались дивизиями лишь формально, поскольку с точки зрения нормальной организации соединений [такой численности], они были очень слабы. Каждая состояла из двух полков (вместо трех) и располагала лишь двумя дивизионами горной артиллерии, а их снабжение и транспорт находились в жалком состоянии.

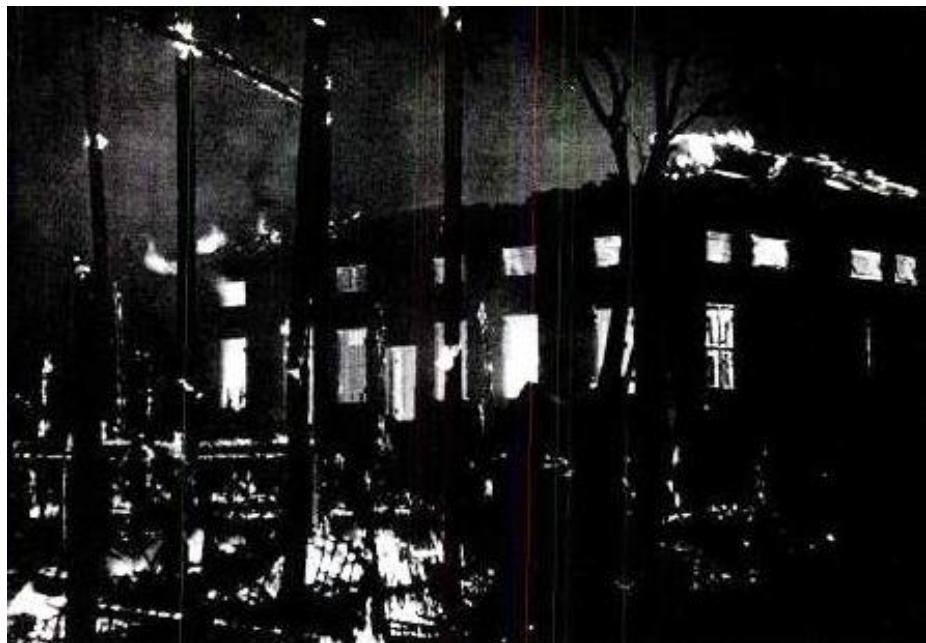
Были некоторые сомнения в том, насколько быстро они смогут действовать, и мы, естественно, опасались того, что противник сможет ускользнуть у нас из-под носа тогда, когда мы уже захлопнули для него ловушку.

Обреченный город

К 4 марта Рангун был городом мертвых. Улицы и базары затихли и опустели, тишину время от времени прерывал лишь вой бродячих собак, которым уже нечего было поживиться. На главной коммерческой улице, *Phayre*, все двери были заколочены, никакого движения не было и в помине. Шелковый рынок на улице *Dalhoisie*, контролировавшийся индийскими

мусульманами, лежал в руинах, над ними день ото дня поднимался дым. Пожары освещали ночное небо в жилых кварталах, где стаи хулиганов грабили дома побогаче и поджигали их после того, как из них было вынесено все ценное. К неразберихе и вандализму прибавился настоящий террор бродячих банд из числа заключенных и сумасшедших: первых выпустили из тюрем в первую ночь эвакуации, да и полуумная публика получила свободу. Фоторепортер [Джордж Роджер](#) (George Rodger, 1908-1995, на фото слева) из журнала *Life* был предупрежден о том, что ночью на улицу лучше не выходить из-за опасности попасть под случайную пулю, но он должен был увидеть последние судороги города и бродил с револьвером в руке по горящим пригородам, целые улицы которых были объяты огнем...

Горят разграбленные мародерами дома в зажиточном индийском квартале Рангуна.
Фото Джорджа Роджера

Невероятно, но оставались островки порядка, поддерживаемого небольшой группой людей из британской Полевой Службы Безопасности/*Field Security*. Полицию, в которой служили в основном не бирманцы, а индийцы – сикхи и панджабские мусульмане, горожане недолюбливали и были в панике в свете приближения японцев. Они слышали, что в

Теннасериме/Tennaserim японцы превратили полицейских в бандитов. Тони Мэйнсу (Tony Mains**, на фото слева), офицеру Службы Безопасности, пришлось пригрозить открыть огонь по группе из более 100 одетых в гражданскую одежду полицейских, которые пытались прорваться через заслон на железнодорожной станции, чтобы сесть на последний поезд, покидающий город. В итоге их удалось успокоить и усадить на поезд, идущий в Проме/Prome (город в 170 милях к ССЗ от Рангуна – ВК). Каждый из них тащил на себе груз с награбленным в магазинах и на базарах: упаковки с одеждой, простыни, полотенца – все, что

ранее попало им под руку. Мэйнс немедленно приказал своим людям пустить в ход бамбуковые палки, чтобы заставить их бросить свою добычу. Пока шел этот процесс, на место прибыл комиссар полиции Прескотт (Reginald Prescott) и, рассердившись, потребовал объяснить ему, почему люди из Службы Безопасности колотят полицейских. В этот момент Мэйнс окончательно вышел из себя. Он хотел знать, почему Прескотт послал неорганизованную толпу своих людей на станцию, не предупредив никого об этом? Почему его люди занялись грабежом одежных лавок? Он должен быть доволен тем, что Мэйнс не приказал своим людям открыть огонь. Мэйнс был еще в большей степени разозлен тем, что поведение полицейских находилось в резком контрасте с холодным мужеством англо-бирманских (т.е. людей смешанного происхождения – ВК) паровозных машинистов и пожарных, которые повели свои составы на север без сопровождения – это означало, что во многих случаях им приходилось продвигаться по территории, через которую уже перемещались японцы, но они вернулись, чтобы спасти большее число людей из брошенного города.

Рангун в огне...

Начальник штаба (*Бирманской Армии - ВК*) вызвал Мэйнса к себе в офис. Поднимаясь по лестнице, от услышал разгневанный голос комиссара полиции: «Вы что, продали меня армии?!» Что это означало, Мэйнс узнал, когда вошел в офис. «Вы должны вернуться в

город и взять на себя ответственность за соблюдение закона и порядка. Черчилль приказал оборонять Рангун, и мы должны привести в него австралийскую дивизию после ее высадки в порту.» Мэйнс узнал, что [командующего Бирманской Армией] Томаса Хаттона (Thomas Hutton, 1890-1981, на фото слева) сменил генерал [Александер](#) (Harold Alexander) и что за город нужно сражаться, как за [Тобрук](#). Командир гарнизона, представленного *Глостерцами* (1-м Батальоном Глостерширского/Gloucestershire Полка), был назначен военным губернатором, а Мэйнс получил должность его заместителя, чтобы установить в Рангуне «военный порядок». Это не подразумевало введение военного положения, но по мародерам было разрешено без промедления открывать огонь. В официальной истории можно прочесть о введении комендантского часа, но Мэйнс утверждал, что этого не было: в этом не было смысла, так как почти все жители города покинули его, а оставшиеся были либо служащими, либо нежелательными элементами. К последним Мэйнс не знал жалости. Был момент, когда он приказал открыть огонь по толпе мародеров на главном рынке города и очистил его от них; слух об этом отпугнул грабителей повсеместно (с полдесятка их было убито людьми Мэйнса). Ему также пришлось приказать убрать трупы с портовых причалов, которые оказались там в результате бомбардировок с воздуха, а в результате стычек между соперничающими бандами мародеров (по другим сведениям, в этом принимали участие также британские солдаты и моряки). Их могли бы убрать индийские чистильщики, но они к тому времени разбежались. Он не мог приказать индийским солдатам заняться этим, поэтому это пришлось делать его людям из *Службы Безопасности*. Позднее, проявив изобретательность, он нашел небольшой автофургон и назначил ответственными за уборку трупов двух британских подофицеров, которые получили под свою команду арестованных грабителей. Последним был дан выбор: или эта тошнотворная работа, или расстрел.

Как ни удивительно, многие из городских служб все еще работали: действовала электростанция, до середины последнего работали освещение и энергоснабжение, функционировала канализация, из кранов поступала питьевая вода. Работали правительственный телефонный узел и две частные телефонные станции. Одна вспомогательная пожарная бригада делала все возможное, чтобы потушить пожары. Военнослужащие *Корпуса Индийских Пионеров/Indian Pioneer Corps* работали в порту,

собирая грузовики прямо на причалах. Их загружали и отправляли в путь, пока не появились японцы. К сожалению, Американская Техническая Группа/American Technical Group и ее китайские рабочие, занятые отправкой грузов в [Чунцин](#), решили, что город будет занят [японцами] быстрее, чем это произошло на самом деле, и, следуя «политике выжженной земли», уничтожили большие запасы военных материалов, включая 1 000 грузовиков, обгорелые остатки которых теперь дымились на причалах.

Мэйнса и его людей должны были переправить во второй половине дня 7 марта на суда, которые уходили в Индию. В 14.00 Военный Комендант прибыл на место и сказал им, что транспорты переполнены и что им придется уходить на север по [сухопутным] дорогам. Им предстояло дожидаться роты Глостерцев, которые располагались на нефтеперегонном заводе на другой стороне реки, в Сириаме/Syriam, и уходить вместе с ними на север с остатками рангунского гарнизона. Мэйнс был вне себя от этих изменений в планах, поскольку его людям обещали эвакуацию морем, но выхода не было. Он усился и стал ждать вместе с кипевшим [от негодования] Прескоттом, комиссаром полиции, с которым скрещивал шпаги ранее. В 15.00 неожиданно прекратил работать вентилятор. Потом раздался взрыв – это взлетал на воздух электростанция.

Джордж Роджер с коллегой из газеты *Movietone News* решили, что они должны покинуть Рангун до того, как японцы выйдут к сопряжению дорог, ведущих к Пегу и Проме, находившемуся в 21 милях от города, поэтому уехали с колонной автомашин в сторону Проме. Роджер уже в машине повернулся, чтобы бросить последний взгляд на горевший город, и увидел устремившийся в небо поблескивающий золотистый шпиль пагоды *Шведагон/Shwe Dagon*, которая стояла словно одинокий и всеми покинутый часовой посреди клубов черного дыма...

Слева – фронтальная страница японского пропагандистского журнала *Shashin Shuho*: японские солдаты маршируют на фоне пагоды Шведагон; справа - современный вид храма

Продвигаясь на север, они поняли, что попали из одного царства неразберихи в другое. В 70 милях к северу от Рангуна, проезжая через деревню Оккан/Okkan, они попали под винтовочный огонь из джунглей. В Тхаравадди/Tharawaddy начались стычки между индийцами и бирманцами, и толпы вооруженных дубинками и ножами людей хлынули на улицы, крича и швыряя камни, пока Роджер [и его компаньон] Элек Тоузер (Alec Tozer, на фото слева) проезжали через городок. В дальнейшем им пришлось пробираться сквозь толпы беженцев по дорогам, обочины которых были усеяны трупами: холера и тиф уже набирали силу, и никто не останавливался, чтобы позаботиться об умирающих...

Индийские беженцы. Фото Джорджа Роджера

Мэйнс со своими людьми спустился к реке. Он был изумлен, когда его приветствовал британский лейтенант, откомандированный в Индийский ВМФ. Он был занят переноской взрывчатки, когда последний катер ушел без него. Мэйнс пригласил его присоединиться к его группе, что было принято без промедления. Лейтенант располагал джипом под названием *HMS Hindustan*, покрашенным в серый корабельный цвет. Он сказал Мэйнсу, что нет смысла оставлять японцам запас холодного пива, хранившегося в холодильнике местного клуба *Port Trust*. Мэйнс не стал пренебрегать такой возможностью: совсем недавно он потратил долгие часы на то, чтобы перекопотить бутылки с китайской водкой и вывезти [из Рангуна] большое количество виски, чтобы все это не досталось японцам. Он и его люди вытащили на причал стулья и расселись, потягивая холодное пиво в ожидании катера, который должны были прислать *Глостерцы*.

Уже не стоял вопрос об удержании Рангуна после ранее ожидавшегося прибытия австралийской дивизии с Ближнего Востока, которая, как надеялись все сверху вниз, начиная с [Уэйвелла](#) (Archibald Wavell, глава Американского, Британского, Голландского и Австралийского Командования на юго-западе Тихого океана – ABDA со штабом в Яве), остановит японцев и отбросит их. У австралийского премьер-министра [Джона Кёртина](#)

(John Curtin) и без того на счету был каждый человек, который мог бы встать на защиту его страны от японцев, наступавших на юг одновременно с нескольких направлений. Мало из того, что он мог узнать к тому времени об обороне Бирмы, придавало ему уверенности в том, что хорошо обученные солдаты не станут хворостом, брошенным в огонь в последнюю минуту. «Нам крайне важно знать, прибудет ли австралийская дивизия, – телеграфировал губернатор Бирмы [Реджиналд Дорман-Смит (Reginald Dorman-Smith, 1899-1977, на фото слева)] Уинстону Черчиллю. – Пожалуйста, скажите да или нет.» – «Мы просили об этом так, как только могли, – последовал ответ, – ... но правительство Австралии ответило категорическим отказом. Сражайтесь.»

Возможности продолжать борьбу имели свои пределы, как дал понять вице-королю Индии [Лорду [Линлитгоу](#) (Victor Alexander John Hope, 1887-1952)] Дорман-Смит 27 февраля:

Это последнее послание, которое я отправлю из Рангуна до того, как мы возвратим его... Наши солдаты сражались превосходно, но они обессилены... Если не случится какое-нибудь чудо, я предложу приступить к взрывным работам в 07.00 часов или около того 1 марта... Я глубоко сожалению о том, что мы должны оставить эти места... Я не вижу ничего из того, что могло бы спасти Рангун, но, покинув его сейчас, мы сможем спасти все то, что сможет помочь вам в ваших усилиях еще на каком-либо из фронтов

Дальнего Востока... Я думаю, нам очень повезет, если мы уцелеем и продолжим борьбу в Верхней (северной) Бирме... Я все еще не получил от вас телеграммы, которая уполномочивала бы меня, как человека, находящегося непосредственно на месте событий, на принятие решений. Я намереваюсь покинуть [Рангун] в 08.00 1 марта после отдачи приказа начать взрывные работы.

Уэйвелл инспектирует войска на северо-восточной границе Бирмы. 1942 год

Даже на этом этапе Уэйвелл все еще считал, что подкрепления смогут спасти Рангун. [Находившаяся на пути в Бирму на транспортных судах] 63-я Индийская Бригада была оставлена в стороне от него в тот же день, когда Дорман-Смит отправил телеграмму в Дели. Отдал соответствующий приказ командующий Бирманской Армией генерал Хаттон, который знал, что бригада не находится в боеспособном состоянии. Он настоял на том, что ее нужно отправить назад в Калькутту или высадить в Акьябе/Akyab. Уэйвелл отменил это решение, и бригада все-таки получила приказ сойти на берег в Рангуне. Чувствуя, что Хаттон уже был готов эвакуировать город и уходить на север, Уэйвелл 28 февраля улетел из Калькутты в Магве/Magwe, находившийся в долине реки Иравади. Здесь Дорман-Смит, Хаттон и воздушный вице-маршал Доналд Стивенсон (Donald Stevenson, 1895-1964) должны были встретиться с ним. Встреча прошла в напряженной атмосфере. Уэйвелл полностью потерял контроль над собой. Он набросился на Хаттона в присутствии губернатора, Стивенсона и множества офицеров и гражданских чиновников. Хаттон, сама собой, был оскорблен и унижен публичными нападками со стороны человека, начальником штаба которого он был лишь несколько месяцев назад. Нападки были нацелены не на то, как он руководил кампанией, а на его, по мнению Уэйвелла, пораженческие настроения, однако он не сказал ничего в ответ, чувствуя, что наилучшей отповедью будет молчание.

Уэйвелл отдал приказ удерживать Рангун как можно дольше, чтобы эвакуировать морем как можно большее количество войск, пока еще было время. Затем он вылетел в Рангун, взяв с собой Хаттона. Когда они добрались до штаба Армии, Хаттона ждало сообщение от [Джона Смайта](#) (John Smyth, 1893-1983, командир 17-й Индийской Дивизии, на фото слева), штаб которого находился в тот момент в деревне Хлегу/Hlegu примерно на полпути между Рангуном и Пегу. Смайт хотел сейчас же вывести свои

части из Пегу. Разгневанный очередной просьбой Смайта разрешить ему отступление, Уэйвелл принял решение отправиться в расположение Смайта на машине по грунтовой дороге вечером того же дня. «Я не думал, - позднее вспоминал Смайт, - что это воскресенье 1 марта станет последним днем моей службы в армии. Но это случилось.» Уэйвелл увидел, что перед ним больной человек. Инъекции стрихнина и мышьяка, казалось, уже были не в состоянии унять боль от свища в заднем проходе (*от которого страдал Смайт – ВК*). Он сражался против японцев и тяжелой болезни в одно и то же время, и это было слишком большим грузом для одного человека. Уэйвелл приказал бригадиру Дэвиду Кауну (David Tennant Cowan, 1896-1983, на фото справа), начштаба Смайта, принять на себя командование дивизией. Смайт покинул ее расположение и улетел в Индию...

Во время падения Нижней (южной – ВК) Бирмы случилось много личных трагедий, но ни одна из них не была более тяжкой, чем обрушившаяся на Смайта. Страдая от болей, он сражался, следуя стратегии, в которую сам не верил, и не располагая адекватными ресурсами. Унижение, которое он (*храбрый офицер, кавалер Креста Виктории, полученного в 1915 году – ВК*) пережил, лишившись должности командира дивизии, усугубилось, когда он добрался до Дели. Там его ждало официальное письмо из Управления Кадров Британской Армии/Military Secretary: по приказу генерала Уэйвелла он лишился звания генерал-майора и подлежал немедленному увольнению со службы. Он не только терял звание и пенсию, но был также обвинен в двух нарушениях: непрохождении медицинской комиссии при получении приказа отбыть в Бирму – этим он проигнорировал параграф 86 Медицинских Правил (для Индии) – и в подаче заявления на отпуск после того, как он был признан здоровым медицинской комиссией...

Дивизионный врач, подполковник Маккензи (Kenneth P. MacKenzie***, 1889-1968), который осмотрел Смайта непосредственно перед тем, как [23 февраля] был взорван мост через Ситтванг, рекомендовал ему отправиться в отпуск как можно быстрее. Сам Маккензи попал в плен и проведет в Рангунской тюрьме три года... Уэйвелл, по всей видимости, не знал о рекомендации, сделанной Маккензи. Обессиленный Смайт попросил Уэйвелла о встрече, но ему в этом было отказано. Сам он был уверен в том, что Хаттон свалил всю вину за потерю Рангуна и Бирмы на него.

Видел Уэйвелл медицинское заключение и рекомендацию [Маккензи] или нет, осталось неизвестным. Хаттон знал об этом 25 февраля, но не видел необходимости говорить еще что-то об этом Уэйвеллу, когда они встретились со Смайтом в штабе 17-й Дивизии. Как Уэйвелл сообщил в Генеральный Штаб, Смайт «определенно был болен», и для подтверждения этого не требовалось никаких рапортов. Хаттон не имел возможностиказать влияние на то, что случилось со Смайтом, когда тот вернулся в Индию. Так или иначе, он не был причастен к снятию его с должности командира дивизии. Решение принял Уэйвелл без консультаций с Хаттоном по этому вопросу. Ирония момента заключалась в том, что сам Хаттон уже не занимал пост командующего Бирманской Армией. Сменивший его генерал-лейтенант Хэролд Александер еще не прибыл на место, но Хаттон уже знал, что в дружеских отношениях, но этот перевод был унизительным, особенно в свете того, что Хаттон не будет разделять взгляды нового командующего на то, как продолжать кампанию.

Редактор дневников Элана Брука (Alan Brooke, начальник Генерального Штаба британских ВС в годы ВМВ), Артур Брайант (Arthur Bryant), описал Александера как «наилучшего из генералов, которого мог рекомендовать начальник Генерального Штаба». Это взгляд на положение вещей разделяли далеко не все генералы Индийской Армии, которым позднее довелось воевать под началом Александера в северной Африке. В этой связи стоит вспомнить едкое замечание генерал-лейтенанта Фрэнсиса Текера (Francis Tuker, 1894-1967, командир 4-й Индийской Дивизии в северной Африке и на Итальянском фронте): «Я думаю, он был наименее толковым командующим из всех тех, кого я встречал на высоких позициях. Не могу себе представить его, разработавшим какой-нибудь план, не говоря уже о добротном плане. Я не думаю, что он когда-либо сделал это. Определенно, и я в этом уверен, в Италии он ни разу не руководил [боевыми] операциями. У него не было своего тактического видения. Все просто шло само по себе».

Это суждение было высказано годы спустя после пребывания Александера в Бирме. Даже тогда выдвигаемые им планы составлялись не им, а Уэйвеллом, и то, какие у него были взгляды на сложившееся положение вещей, говорит о том, что он мог потерять не просто столицу страны, но и всю Бирманскую Армию... В его защиту можно сказать, что он столкнулся с ситуацией, ухудшение которой стало неконтролируемым задолго до того, как он прибыл на место. Смещение Хаттона, с одной стороны, не выглядело как произошедшее по причине провала в управлении войсками, оно было в большей степени результатом его пессимистической оценки положения вещей...

Сигналы, подаваемые Хаттоном, становились известными вице-королю Индии, Лорду Линтингу. С подсказки генерала Элана Хартли (Alan Hartley, 1882-1964, и. о. главнокомандующего ВС Индии), – так считал Хаттон – вице-король стал беспокоиться о безопасности Индии и телеграфировал в Лондон следующее: «Наши войска в Бирме сражаются без должного боевого настроя. Я нисколько не сомневаюсь в том, что это, в наибольшей степени, происходит из-за отсутствия побудительного и вдохновляющего воздействия на людей сверху... Хаттон [когда-то] был хорошим начальником штаба, но он не годится на должность полевого командира.» Текст телеграммы Линлитгоу был передан Черчиллем Уэйвеллу с просьбой сообщить об этом начальнику генерального Штаба Элану Бруку и узнать, что он думает по этому поводу. Если Уэйвелл согласится с вице-королем, добавил Черчилль, он сразу же отправит в Бирму Александера. Сигнал от Уэйвелла Черчиллю и Бруку был отправлен в тот же день, в нем прозвучала поддержка печальным высказываниям Линлитгоу:

Меня сильно беспокоит отсутствие боевого настроя у наших войск, продемонстрированное в Малайе и, к настоящему времени, в Бирме. Ни британцы, ни австралийцы или индийцы не показали ни крепости боевого духа, ни физической стойкости... Причины этого уходят в глубину, это расслабленность в течение последних двадцати лет, отсутствие напористости в [боевой] подготовке в мирное время, воздействие климата и атмосферы Востока. Лидеров, обладающих настоящим драйвом и способностью вселить в людей боевой дух, мало. Я искал таких в Малайе и Сингапуре, но не нашел ни одного. Хаттон полон решимости, скрытой под его спокойными манерами, его невозможно вывести из себя, но он не тот человек, который мог бы настроить людей должным образом. В то время, когда я остановил свой выбор на нем, важнейшим моментом являлась реорганизация всей военной машины, действующей в Бирме. Я знал, что он сделает это наилучшим образом, и также считал, что он станет решительным и умелым командующим. У меня нет причин думать об этом как-нибудь иначе, но я согласен с тем, что напористость Александера сможет оказать стимулирующее воздействие на войска.

Уэйвелл с неохотой пошел на смену командующего, при этом он согласился с тем, что Хаттон должен остаться в качестве начальника штаба, и добавил, что, если будет прислан Александр, он должен прибыть в Бирму в течение недели. В ранние послеполуденные часы 22 февраля, когда еще шли бои на подступах к мосту через Ситтанг, Хаттон получил от Уэйвелла сигнал, который, согласно полученной инструкции, он должен был расшифровать самостоятельно:

Военный Кабинет решил, что в свете предполагаемого значительного увеличения численности войск в Бирме генерал Александр должен быть назначен главнокомандующим в Бирме. Вы остаетесь на должности начальника штаба после его прибытия. Вы должны проинформировать об этом губернатора. В остальных случаях держите назначение в секрете до прибытия Александера.

Хаттон оставался в неловком положении даже после прибытия Александера. За пределами армейского штаба все считали, что Хаттон является командующим. Он был в одном звании с Александром (который был представлен к званию и.о. генерала в апреле 1942 года), так что, вполне естественно, быстро устал объяснять, что больше не командует Армией...

Прибытие Александера 5 марта ничем не помогло в деле спасения Рангуна. Даже высадка еще одной дивизии не смогла бы помочь в этом. Последний поезд отбыл на севере из покинутого, горящего города 7 марта в 19.00. Через несколько минут колонна Глостерцев вместе с джипами и грузовиками Мэйнса тронулась в путь по дороге на Проме. На следующее утро в город вступили японцы.

Японцы вступают в Рангун...

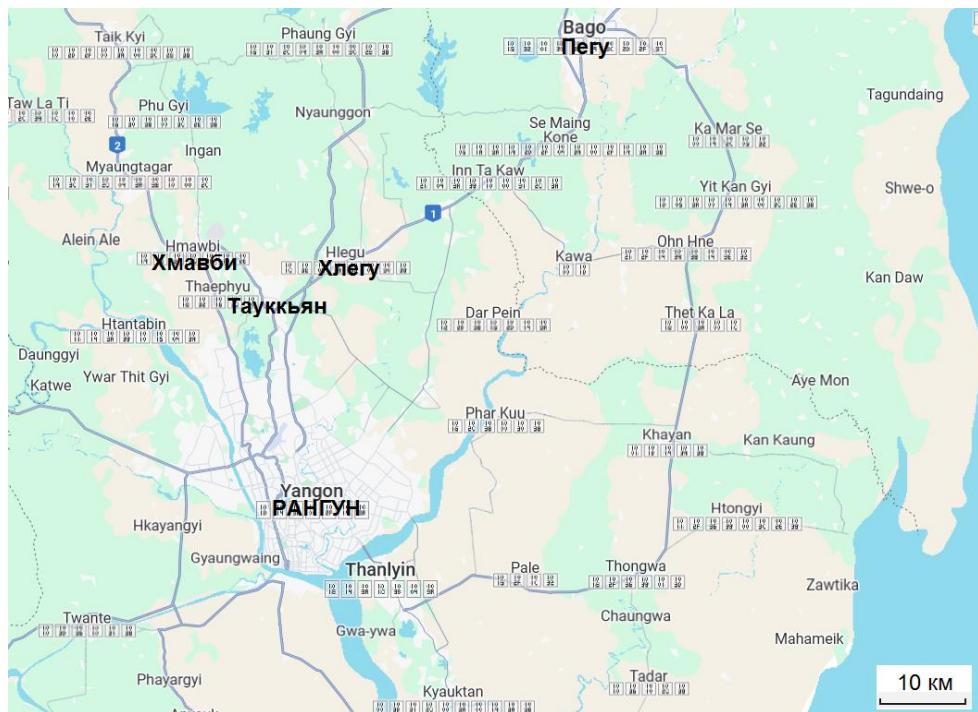

Символом окончания одного из долгих периодов истории Британской Империи стала выходка адъютанта губернатора Бирмы, Эрика Бэттерсби (Eric Battersby, 1916-1997 на фото слева, впоследствии он сыграл значительную роль в организации партизанского движения в японском тылу). Перед тем, как губернатор покинул Рангун, в его доме 1 марта был дан прощальный ужин. Когда немногие гости поднялись из-за стола и перешли в бильярдную, Баттерсби пришел в возбуждение. Схватив шар, он швырнул его в один из портретов, с которого сверху вниз с молчаливым укором смотрел один из персонажей оставшейся в прошлом эпохи имперского величия. «Не думаете ли вы, что мы не должны оставлять их джалам?» - прокричал он, когда шар пробил холст. Его настроение передалось другим. Через несколько секунд остальные тоже похватали шары и стали бросать их в развешанные по стенам картины... На следующее утро сэр Реджиналд Дорман-Смит покинул столицу и отправился в Маимио/Maumio.

Прибыв на место, чтобы взять на себя командование Бирманской Армией, генерал-лейтенант Александр был полон решимости удержать Рангун любой ценой. Определенным является то, что начальник Генерального Штаба генерал Брук отправил сюда Александера прежде всего для этого. «Если бы мы сконцентрировались на усилении Рангуна, - писал он позднее, - Бирму можно было бы удержать.» Однако еще 18 февраля 1942 года он записал в своем дневнике: «Плохие новости из Бирмы. Если Армия не будет драться лучше, чем она делает это сейчас, мы заслуживаем того, чтобы потерять нашу Империю.» 27 февраля он сделал еще одну мрачную запись: «Я не вижу того, что мы сможем удерживать Рангун еще сколь-нибудь долгое время.»

Уэйвелл вернулся в Индию 3 марта, встретился с Александром в Калькутте и передал ему устные инструкции о том, как руководить кампанией:

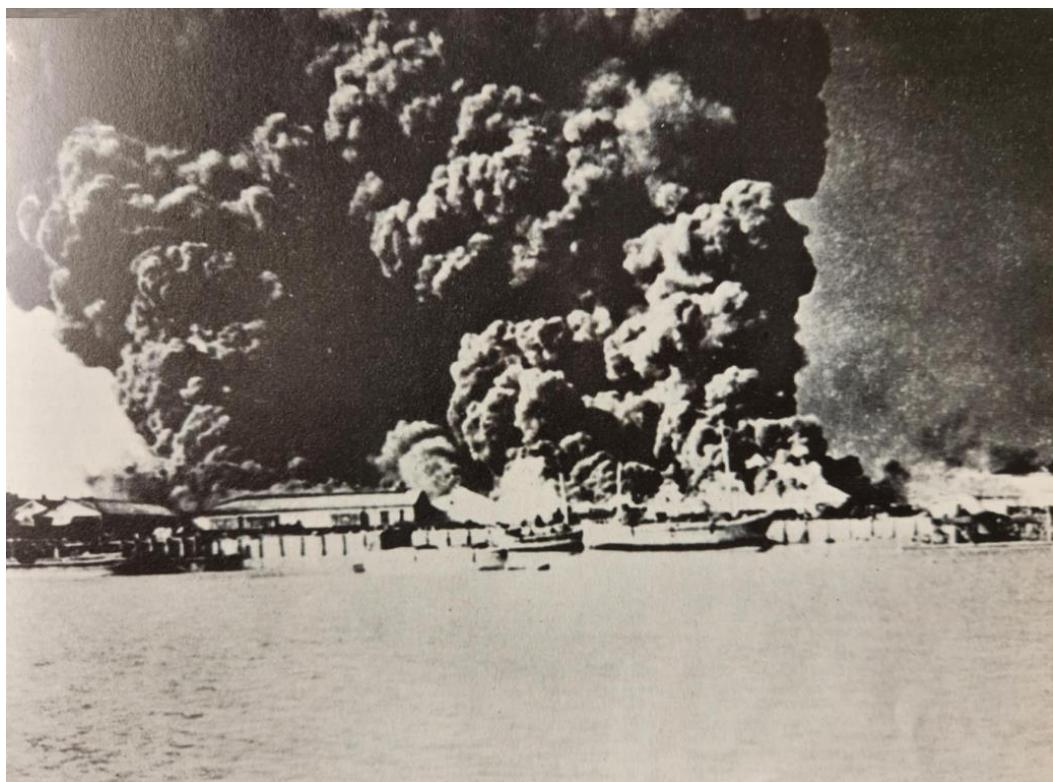
Удержание Рангуна имеет первостепенную важность для нашей позиции на Дальнем Востоке, и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы сохранить его за собой. Если, тем не менее, это кажется недостижимым, мы не должны дать противнику возможность отрезать и разгромить британские войска, которые необходимо вывести из района Рангуна для обороны Верхней Бирмы. Ее нужно держать под контролем как можно более долгое время, чтобы сохранить за собой нефтяные промыслы Йеннагяяунга. Оставайтесь в контакте с китайцами и обеспечьте прикрытие строительства дороги из Ассама в Бирму.

Карта с важнейшими населенными пунктами, упомянутыми в статье

Александр прибыл в Рангун в полдень 5 марта, отправился в Хлегу и отменил отданые Хаттоном приказы: 48-й Бригаде оставить Пегу и отходить к Хлегу и 16 Бригаде оставить Хлегу и отходить к Тауккьяну/Taukkyan. Вместо этого 1-я Бирманская Дивизия должна была атаковать к югу от Ньяунглебина/Nyaunglebin в направлении Пегу. 17-я Дивизия при поддержке только что прибывших в Бирму 63-й Бригады и 7-й Танковой Бригады должна была начать наступление на позиции японцев к востоку от Пегу в районе города Ва (?)/Waw. Действуя в этом ключе, Александр надеялся восстановить положение и остановить продвижение к столице 33-й и 55-й дивизий генерала Иида. Эта попытка провалилась: японцы взяли Пегу в кольцо и высадили с моря группы командо, чтобы захватить нефтеперегонные заводы в Сириаме, на противоположном от Рангуна берегу реки. Удержание столицы стало невозможным, и Александр понял это через день после прибытия в Бирму. Он приказал приступить к взрывным работам и оставить город, намереваясь перегруппировать свои силы в долине Иравади к северу от него.

Портовые краны были сброшены в реку или взорваны, склады были разрушены, оставшиеся в городе материалы подожжены. Полевая Служба Безопасности подожгла здание телеграфа, электростанция была взорвана, подожжен был также штаб полиции. Были взорваны и нефтеперегонные заводы Сириама, при этом в небо на тысячи футов поднялись черные клубы дыма, накрывшие город. Подрывники – последние из остававшихся в городе военнослужащих – были эвакуированы катером на три последних судна, уходивших в Калькутту.

Снимок, сделанный с последнего буксира, покинувшего порт Рангуна...

Гарнизон города начал свой марш на север, 17-я Дивизия обороныла Хлегу, пока он не проследовал через развилку в Тауккьянне, где сливались дороги из Пегу и Мандалая/Mandalay, ведущие к столице со стороны Иравади. Авангард гарнизона прошел через Тауккьян на рассвете 7 марта и направился в Тхаравадди, через который проходил рубеж, на котором предстояло удерживать японцев, когда они начнут наступать на север от Рангуна. Когда гарнизон промаршировал через Тауккьян, 17-я Дивизия должна была проследовать за ним в качестве арьергарда.

Но все это были только планы. Японцы разместили в пяти милях к северу от Тауккьянна заслон и несмотря на повторяющиеся она за другой атаки частей рангунского гарнизона прочно удерживали его. Александр и сопровождавшие солдаты и офицеры оказались в ловушке. В атаку была брошена 7-я Танковая Бригада, но к 16.00 7 марта ей так и не удалось ничего добиться. Затем попытку предпринял подошедший со стороны Хлегу 2-й Батальон Приграничных Стрелков из состава 63-й Бригады, но был отброшен с тяжелыми потерями. Александр и его штабисты провели ночь на каучуковой плантации близ Тауккьянна. Небольшой британский периметр охраняли танкисты и пехота, но японцы не атаковали его. Внутри него находились гражданские чиновники рангунских административных офисов, в том числе и женщины, которые ранее не подчинились приказу покинуть город...

Александр приказал снова атаковать заслон на рассвете силами Батальона Гуркхов 1/10 63-й Бригады на западном фланге, 1-го Батальона Сикхского Полка на восточном фланге и танками 7-й Бригады прямо по дороге после артиллерийской подготовки. Атака была обречена на провал еще до того, как началась. Гуркхи заблудились в джунглях и рассеялись, сикхи попал под бомбардировку с воздуха на открытой местности в момент концентрации для атаки.

Казалось, ничто не могло сдвинуть японцев с места, но затем неожиданно они куда-то исчезли: заслон был снят, и Александр со своим гарнизоном проследовал на север. В своей книге по истории Индийской Армии [Комптон Маккензи](#) (Compton Mackenzie) отметил «непостижимый уход противника» и добавил, что «этой потрясающей ошибке не было удовлетворительного объяснения». Британские официальные историки также были озадачены произошедшим, и один из них, полковник Уордс (G. T. Wards), эксперт по

истории японской армии и бывший военный атташе в Японии, после войны даже отправил в Японию запрос, чтобы выяснить, что же подвигло японцев на снятие заслона. В конце концов, они были в шаге от того, чтобы полностью окружить не только рангунский гарнизон, но и 17-ю Дивизию, отступавшую со стороны Пегу через Хлегу и Тауккьян. Вот что писал Уордс:

Возможно, штаб 33-й Дивизии не знал и не мог себе представить, что в котел попала такая значительная по численности и важности вражеская группировка ..., и, скажу еще раз: возможно, главной целью дивизии было занятие Рангуна, а [изоляция] и пленение противника были второстепенной целью. На последнем предположении ... основывается критика в адрес японского командования, в рамках которой подчеркивается, что погоня за географическим объектом вместо разгрома вражеской армии – плохая стратегия. Мне также сдается, что эта ошибка японцев могла произойти из-за скованности в их методах и действиях. Отдаваемые приказы часто были сильно детализированы и лишали командиров инициативы, способствовали тенденции слишком строго их придерживаться и, таким образом, временами упускать такие возможности, которые, если бы они были использованы (как в данном случае) человеком, принимавшим решения, приводили бы к успехам и победам.

Человеком, находившимся в центре событий, был полковник Сакума Таканобу (Sakuma Takanobu) командир 214-го Пехотного Полка 33-й Дивизии. Дивизия получила приказ форсировать реку Ситтанг к северу от взорванного моста, в пункте Кунзеик/Kunzeik, 3

марта и затем выйти на линию Хлегу-Хмавби. С этого рубежа она должна была выйти к Рангуну. Командир дивизии, генерал-лейтенант Сакураи Соzo (Sakurai Shozo, 1889-1985, на фото слева), воспринял приказ, отданный ему 27 февраля, так: сохранить свои силы для занятия Рангуна и не отвлекаться ни на какие мелкие стычки, потому что ожидал, что его ждет сражение в окрестностях города к северу от него и в дальнейшем уличные бои. Он, прежде всего, хотел избежать затяжных боев за Рангун, которые могли отложить на долгий срок использование японцами порта и, возможно, позволить британцам атаковать его со стороны Проме. Он знал, что какие-то части гарнизона уходят из города, но отдавал себе отчет в том, что это полная эвакуация...

Приказ, который он получил от командования 15-й Армии 6 марта, казалось, говорил ему действовать не так, как это было продиктовано более ранним приказом. Он находился в Вапанге – деревне, находившейся сразу к востоку от дороги, идущей от Хлегу, когда получил следующую директиву: «Наступайте на Рангун, ищите противника и уничтожайте его.» Когда поступил этот приказ, генерал имел довольно неопределенное представление не только о численности противника, но и о том, что происходит в секторе соседней с ним 55-й Дивизии, в тот момент ведущей бои за Пегу против 17-й Дивизии. Он решил, что наилучшим решением будет наступать на столицу и полностью избегать стычек с британцами. Он собрал полковых и батальонных командиров в полдень 7 марта и сказал им, что марш на Рангун начнется в тот же день с наступлением темноты. Продвижение будет осуществляться двумя колоннами: 214-й Полк слева и 215-й справа. С началом марша полки будут делать все возможное, чтобы оставаться не замеченными британскими наблюдателями, обходя большие деревни и продвигаясь по идущим через джунгли дорогам. Так, после пересечения дороги на Проме между Тауккьянном и Хвамби, дивизия подойдет к Рангуну с северо-запада.

Находясь на марше, идущий в авангарде батальон наткнулся группу британцев, которых японцы приняли за бронетанковую часть, отступающую из Пегу. Командир батальона, майор Таканобу, был сразу же тяжело ранен, в завязавшемся бою потери японцев быстро росли. Командир полка, полковник Сакума, сознавал, что стычка с противником противоречит установкам, которыми руководствуется дивизия, но собрал остальные части своего полка к югу от главной дороги и решил какое-то время понаблюдать за развитием событий.

Тем временем, пока шел бой, 215-й Полк [(командир – полковник Харада Мунадзи (Harada Munaji)], пересек идущую к Проме дорогу без происшествий. Генерал Сакураи, получив сообщение о случившемся, сказал полковнику Сакума, что его главная обязанность – следовать ранее полученным приказам и любой ценой пробиваться к Рангуну. Полковник Сакума последовал приказу, и в 10 утра 7 марта приказал майору Таканобу не ввязываться в затяжной бой. На самом деле, стычка с британцами несомненно произошла по вине Таканобу. Патруль взводной численности увидел британцев. Отступающих по главной дороге, в то время как остальная часть батальона была остановлена в одной милю к востоку. Патруль сообщил о случившемся майору, который приказал немедленно атаковать отступающих британцев. Затем он сообщил полковнику Сакума о случившемся...

Конечно, у генерала Сакураи была возможность воспользоваться этой возможностью и разгромить встретившихся им на пути британцев, но в 10.30 в штаб дивизии утра прибыл Сакума и доложил начальнику штаба о случившемся. Он сказал, что его полку не стоит ввязываться в бой, поспешно начатый майором Таканобу, а следует продвигаться дальше, на Рангун. Командир полка Харада согласился с этим.

Сакураи полагал, что британцы, встревоженные присутствием японцев на дороге на Проме после атаки людей майора Таканобу, решат усилить оборону на северных и северо-западных окраинах столицы. Он был согласен со своими полковыми командирами в том, что рывок к Рангуну остается важнейшим приоритетом, и сказал Сакума заставить майора Таканобу выйти из боя и продолжить марш. Сакума вернулся в штаб полка в 15.00 и отдал приказовать возобновить марш в 17.00. Когда основные силы его полка вышли к дороге на Проме, обнаружилось, что майор Таканобу ранен и его люди не могут оторваться от противника. Сакума решил продолжить продвижение без своего 3-го Батальона и приказал майору как можно быстрее выйти из боя и следовать за основными силами. На рассвете 8 марта Сакума вышел к аэродрому *Mingaladon*. Харада со своим 215-м Полком к этому времени уже вошел в северные пригороды столицы. Он предполагал, что ему придется вступить в ожесточенные бои за город, поэтому сравнительное спокойствие в окрестных деревнях, через которые проходили его люди, он воспринимал как затаище перед бурей. Его солдаты были в хорошем расположении духа, считая, что им удалось перерезать дорогу, по которой шло снабжение армии [Чан Кайши](#) и что этим они помогли своим товарищам по оружию, сражающимся в Китае. К 10 утра 8 марта авангард японцев уже шагал по опустевшим улицам города. Через два часа Сакураи разместил свой дивизионный штаб на краю озера Виктория/Victoria.

За пять дней до того, как две японские дивизии переправились через Ситтантг, командование Южной Армии сообщило генералу Ида, что его основные усилия должны быть сосредоточены на решающем сражении против китайцев, продвигающихся на юг из северной Бирмы, а не на ускоренном занятии Рангуна, который мог быть взят частью его сил. Ида, рассуждая достаточно трезво, думал иначе. Ни 33-я Дивизия, ни 55-я не получали какие-либо грузы с момента пересечения таиландской границы, и имевшихся у них в наличии боеприпасов было опасно мало. Взяв Рангун, Ида сразу же получал возможность снабжаться по морю из Сингапура, который находился в руках японцев с 15 февраля. Кроме того, если его наступление предстояло развивать в северном направлении, ему был необходим морской порт для доставки дополнительных дивизий. То есть, хотя Ида и сожалел о том, что Сакураи дал 17-й Дивизии ускользнуть, он был удовлетворен тем, что столицы Бирмы была в его руках...

Ни полковой командир в Тауккьянне, ни дивизионный командир, ни командующий Армией, ни японские историки, описавшие эти события после войны, казалось, не знали о том, что едва не взяли в плен генерала Александера. В официальной японской истории и ее версии, изданной для подготовки офицеров [Сил Самообороны](#), британскую группировку, атаковавшую заслон под Тауккьянном, именуют частью 17-й Индийской Дивизии, отступавшей от Пегу через Хлегу. Действительно, части 63-й Бригады участвовали в этих столкновениях, однако в первой стычке батальон майора Таканобу из 214-го Полка вступил в бой с частями отступавшего гарнизона Рангуна, о чем ясно говорится в официальной истории Британской Армии. Она была опубликована в 1958 году, и японские историки

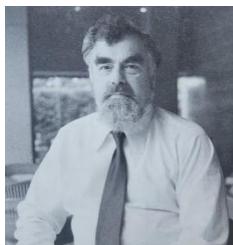
использовали ее, создавая труд по японской военной истории девять лет спустя, но они не обратили внимания на последний факт.

Хаттон написал об этом эпизоде следующее: «Алексу (так он называл Александера – ВК) больше ни разу в жизни так не везло.» Благодаря непоколебимому стремлению генерала Сакураи захватить город, а не конкретного человека, генерал Александр избежал трехлетнего пребывания в японском лагере для военнопленных...

Примечания:

- ♣ В статье использованы географические названия, характерные для периода ВМВ
- ♣♣ Тони Мэйнс после войны написал книгу воспоминаний *The retreat from Burma: An intelligence officer's personal story*. January 1, 1973
- ♣♣♣ Кеннет Маккензи после войны написал книгу воспоминаний о своем военном опыте *Operation Rangoon Jail*. 1954

Источник

Louis Allen. Burma: The Longest War (2022)

Луи Эллен (1922-1991), владевший японским языком, в годы ВМВ служил в Юго-Восточной Азии в военной разведке. Он написал пять книг по истории войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В послевоенное время он преподавал французскую литературу, был литературным и театральным критиком, вел радио- и телепрограммы.

Сокращенный перевод – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org